

EASTERN POST · ANALYTICAL DIVISION

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА И «ПРОЕКТ ФАРАДЖА»

Май 2026 ·

Содержание

1. Проект Reform UK и кризис британского правого фланга
2. Атлантическая зависимость и американский капитал
3. Банки, земля, данные и военный заказ
4. Монополии, прибыль и обнищание рабочего класса
5. Фараджизм, NHS, война и медийная машина
6. Протест без организации и задача политического выхода

I. Проект Reform UK и кризис британского правого фланга

Reform UK вышла из кризиса 2024 года усиленной и агрессивно растущей. В ходе выборов июля 2024 обнаружилась электоральная, организационная и финансовая мощь новой правой волны. Усилилась

зависимость самого проекта от американских правых донорских сетей.

Британские провластные комментаторы пытаются объяснить рост Reform UK случайным протестным голосованием — усталостью от тори, не более. Это удобное объяснение так же далеко от реальности, как Вестминстер от Сандерленда. Рост Reform — не конъюнктурный всплеск, а управляемый политический проект с внешней архитектурой.

Фарадж действует внутри — пока ещё внутри! — электоральной системы. Это не Гитлер, но модель та же: болтовня о «мире» с оружием в руках. И самое важное состоит в том, что Reform является главным проводником национализма в рабочем классе — стало быть, она является основной опорой банкирских интересов в рабочем классе в деле подготовки новых войн и интервенций. Для того чтобы подготовить новые войны, недостаточно одного лишь пацифизма Фараджа, если даже он поддерживается такой серьёзной силой, как американская финансовая аристократия. Нельзя воевать для империализма, не укрепляя империалистический тыл. Нельзя укрепить империалистический тыл, не подавляя рабочих. Для этого и существует фашизм — и этот фашизм под пацифистско-патриотические фразы крадёт к власти в Великобритании.

Фарадж единолично контролирует партию, блокирует внутреннюю демократию, выстраивает культ личности. Reform UK — не парламентская партия в классическом смысле. Это персональный инструмент крупного монополистического капитала. За инструментом стоят деньги и лица. Стив Бэннон — идеологический архитектор, связь задокументирована публично. Питер Тиль —

финансовый донор экосистемы британских правых через посредников. Элон Маск в январе 2026 года открыто призвал британцев голосовать за Reform и назвал Фараджа «единственной надеждой Британии» — беспрецедентное вмешательство действующего советника президента США во внутреннюю политику союзника.

Между тем в майских 2026 местных выборах Reform показала результат, претендующий на статус первой партии по доле голоса в ряде регионов. Фарадж открыто заявляет о подготовке к парламентским выборам 2029 как к финальной точке — Reform UK насильственно удерживает наибольшее количество протестного электората британского правого фланга — от бывших тори до рабочего класса Севера и Мидлендса. Американский капитал наложил свою печать на всё политическое и медийное развитие проекта.

Британия занимает первое место среди союзников США по глубине встроенности в американские правые донорские сети. Накануне выборов 2024 года финансовая и медийная поддержка Reform из США многократно превышала органический британский ресурс. Экспорт политических технологий из Вашингтона в Лондон — это паразитизм в квадрате: чужие деньги формируют чужую повестку.

О степени зависимости Reform от внешней архитектуры можно судить по тому, что его медийное усиление через X/Twitter Маска в разы превышало любой собственный ресурс партии. Ни в одной западноевропейской правой партии нет столь высокой доли внешнего идеологического управления, как в Reform UK. Британская низовая организация партии — минимальна. Удельный вес реальных местных структур составляет около 6% от декларируемого присутствия, тогда

как удельный вес цифровых операций, управляемых извне, составляет критическую массу. GB News охватывает аудиторию около 1 млн ежедневно — но реальная цифровая аудитория правого контента в Британии через X, YouTube и подкасты превышает эту цифру в 5–6 раз.

Общий кризис либерального порядка с исключительной силой проявился в британских условиях. Политическая система в период между Brexit 2016 и выборами 2024 года характеризуется состоянием застоя и топтания на месте. Рейтинг лейбористов даже до скандалов 2025 года едва держался выше порога доверия. Усилилось идеологическое отставание центра от реального электорального запроса. Наряду с быстрым ростом новых форматов — подкасты, X, YouTube-политика — старые институты британской демократии оказались в состоянии делегитимизации и деградации.

Британский политический центр с его административной инерцией с трудом конкурирует за электорат с новыми правыми. В период, когда Британия была эталоном либеральной демократии, она выступала с лозунгами открытости и верховенства права. После 2016 года истеблишмент перешёл к политике управляемой демократии — деплатформинг, Online Safety Act, давление на независимые медиа.

Если в 2019 году тори занимали монопольное положение на правом фланге, то к маю 2026 года Reform претендует на первое место по рейтингу среди всех партий. К чему бы это? В 2010–2015 годах те, кто не доверял ни одной партии, составляли 2–3% опрошенных. В 2024 году эта доля выросла до 10–12%, а число граждан, считающих систему «сломанной», составило около 13 млн человек. К 2026 году рейтинг одобрения правительства Стармера упал до 22%, а число активно разочарованных составило около 28 млн.

Поворотным пунктом стали местные выборы мая 2026 года, закрепившие Reform как системную силу в ряде регионов. В 2024 году Reform получила 14,3% голосов, к маю 2026 — претендует на лидерство в опросах. Острые американской поддержки Reform направлено против правительства Стармера, и последнее с самого начала предпринимает попытки дискредитировать, ослабить и изолировать этот проект.

В Британии образовались целые регионы политической депривации — где значительная часть населения выпала из традиционных партийных структур, местные отделения опустели, связи между партией и избирателем оборваны. Такие зоны имеются на Северо-востоке Англии, в Южном Уэльсе, в Мидлендсе, в Западном Йоркшире. В Уэльсе членство в лейбористской партии сократилось на 37% за последние пять лет, в некоторых округах местные отделения фактически прекратили работу. К 2026 году в этих депривированных зонах Reform фиксирует устойчивый рост поддержки — около трети от общего прироста партии по стране.

В обстановке политического застоя и упадка лихорадочную активность развивают американские правые сети. Создана структура единоличного контроля — Reform UK юридически является собственностью Фараджа, членов партии нет, есть только «сторонники». Образовалась медийная экосистема — GB News, Talk TV, сеть правых подкастов. Произошло объединение донорских потоков: Кристофер Роклифф — крупнейший британский донор Reform с вкладом свыше £10 млн. Питер Тиль через британские венчурные структуры получил влияние на значительную долю технологического и медийного пространства. Создавались мощные

цифровые операции — координированные кампании в X, охватывающие десятки миллионов британских пользователей.

В 2025 году, когда рабочий класс Севера в ответ на провалы Стармера начал массово переходить к Reform, консервативное руководство Бейденкок капитулировало перед повесткой Reform и начало копировать её риторику. Тори подняли на щит концепцию «нулевой миграции» и «культурной идентичности» — фактически признав Reform задающей повестку силой.

Кризис 2024–2026 годов ускорил действие тех факторов, которыми определяется современный кризис британского либерализма. Пресловутые «гарантии» — реформа NHS, рост реальных доходов, «возможности для всех» — которые лейбористы раздавали в 2024 году, оказались фальшивыми вексями. Север Англии, Уэльс, Мидлендс не получили ничего ощутимого за два года правления Стармера.

Британия вышла из электорального цикла 2024 года с ослабленным центром, сократившимся пространством двухпартийной системы, уменьшившимся на четверть совокупным голосованием за тори и лейбористов, с резко сузившимся пространством либерального консенсуса и возросшим внутренним политическим долгом перед собственным населением.

Острейший характер приобрела в условиях 2024–2026 годов проблема британского политического баланса и в частности долларового — то есть американского — баланса влияния. До кризиса Британия имела устойчивый профицит политического суверенитета, однако этот профицит покрывался доходами от так называемого «невидимого экспорта» — финансового City,

глобального медиавлияния ВВС, дипломатического веса. Резкое сокращение доходов по всем статьям этого невидимого экспорта уменьшило самостоятельность Британии. А так как после Brexit основным политическим поставщиком Британии выступили США, то решающее значение приобрела проблема не просто внешней зависимости, но именно долларовой — американской правой — зависимости. Между тем американский правый капитал, используя трудности и слабости своего британского младшего партнёра, оказывает на него сильнейший нажим, ставя его в зависимое положение.

Британские правые отдают себя в услужение магнатам Кремниевой долины и Уолл-стрита. Фарадж публично позиционирует себя как союзника Трампа и Маска, а не как самостоятельного британского политика. Все эти заявления британских правых и их праволейбористских попутчиков являются не чем иным, как грубой фальсификацией национального интереса — негодной попыткой оправдать реакционную антинациональную политику подчинения Лондона Вашингтону.

После Brexit Британия имела выбор. Программа действия, которую выдвигали левые и прогрессивные круги, заключалась в том, чтобы разрешать назревшие проблемы на подлинно суверенных основаниях — реиндустриализация, зелёная энергетика, восстановление торговых связей с ЕС. Правящие классы Британии и их праволейбористские приказчики пошли по пути подчинения американскому капиталу именно потому, что не хотели и не способны были решать внутренние проблемы в интересах народа.

Вотум народа в июле 2024 был ясным — против тори. Но историческая трагедия заключается в том, что, распознав провальную

природу консерваторов, британский рабочий класс не распознал ещё предательской сущности правосоциалистических приказчиков в лице Стармера, поверив на слово лейбористам и их псевдопрогрессивной демагогии.

Левые и независимые круги выдвигали развёрнутую программу выхода из кризиса. Корни британского постиндустриального упадка давно насквозь прогнили — только смелые структурные преобразования могли дать британскому народу подлинную перспективу. Подобные программы включали реиндустриализацию Севера и Мидлендса, национализацию энергетической инфраструктуры, радикальную техническую реконструкцию производственной базы, мобилизацию государственных инвестиций. Они исходили из необходимости обеспечить технологическое переоснащение и серьёзный подъём реального сектора. Они выдвигали задачу ликвидации всевластия финансовых монополий City, решительного перераспределения национального дохода от финансового сектора к производственному. Первым условием успешного решения внутривнутриполитических задач была независимая, суверенная внешняя политика — не подчинение американским правым сетям, а равноправное сотрудничество с ЕС и глобальным Югом.

Правящие классы Британии избрали другой — реакционный, зависимый курс. В области внутренней политики правящая буржуазия выступает за усиление вмешательства крупных американских платформ и фондов во все стороны общественной жизни, за более тесное сращивание Reform с американским донорским аппаратом. Британские правые уже в период кризиса 2022–2024 годов выдвинули лозунг снижения регуляторных барьеров

для американского капитала, максимального открытия британского рынка, широкой приватизации остатков государственного сектора.

В области внешней политики британские правые взяли курс на полное сотрудничество с более сильным американским правым империализмом. В интервью Фараджа 2025 года прямо говорится: «Британия должна быть ближайшим союзником Трампа — это наш единственный путь вперёд». Британские правые исходят из того, что без поддержки американских правых сетей — Маска, Бэннона, Тилля — невозможно удержать медийное доминирование и финансирование.

С самого своего возникновения Reform UK была проводником американской правой идеологии в британском протестном движении, барьером против любой подлинно суверенной экономической программы. Идеологическое вооружение Reform целиком взято из арсенала американских правых — Бэннон, Тиль, орбанизм как модель. После прихода Трампа к власти в 2025 году идеология британского «мягкого» популизма приняла характер открытой проамериканской правой идеологии. Идеология антиэлитного протеста превратилась в откровенную идеологию обслуживания американского капитала, технологического монополизма, в идеологию «крестового похода» против климатической политики, регуляции и остатков социального государства.

Своё верное служение американскому правому лагерю Фарадж прикрывает фальшивыми фразами о «народном суверенитете» и «британских интересах». Он заявляет что Reform идёт особым путём, что нашла «третий путь между прогнившим истеблишментом и социализмом». Но фараджистский «третий путь» — на деле не что иное, как путь сохранения и усиления контроля финансового

капитала над британской экономикой. Reform не колебалась в выборе между суверенным британским развитием и американской орбитой — она заняла своё место в системе трампилистского «священного союза» современной правой реакции, в первой шеренге защитников дерегуляции, приватизации и атлантической зависимости.

Свои экономические концепции Reform заимствовала у представителей американской либертарианской школы — Милтон Фридман как идеологический предок, Тиль и его круг как современные спонсоры. Reform всегда отстаивала незыблемость рыночного способа производства как абсолютной конечной формы общественной организации. Reform отрицает наличие структурного кризиса британской деиндустриализации как системной проблемы. В период обострения этого кризиса произошла дальнейшая эволюция фараджизма вправо — к махровому рыночному фундаментализму. Reform открыто прославляет американскую модель дерегулированного капитализма и при этом объявляет что «глобализм в старом понимании» якобы уже преодолён. Reform неизменно находится в плену у той экономической школы, которая наиболее соответствует актуальным нуждам донорского класса. В период обострения кризиса доверия к истеблишменту, когда британская политическая система с её разрушительными провалами оказалась дискредитированной в глазах рабочего класса — финансовому капиталу понадобились новые средства идеологического обмана.

В своих манифестах Reform неизменно обещает «вернуть Британию народу», снизить налоги, остановить миграцию, реформировать NHS — всё это одновременно являясь суррогатом реальной программы. Но все эти демагогические и лживые посулы предназначены лишь для одной цели: скрыть от масс то обстоятельство, что реальная

программа Reform является стопроцентной программой британского и американского финансового капитала — и что в фараджистском «народном суверенитете» нет ни грана подлинного суверенитета и подлинной демократии.

II. Атлантическая зависимость и американский капитал

«Атлантическая декларация» 2023 года и последующие соглашения стали орудием экономического закабаления Британии американским капиталом. Это определяется соотношением сил между двумя экономиками: ВВП США в 7 раз больше британского — \$28 трлн против £2,5 трлн; военные расходы США в 14 раз выше британских; американские платформы контролируют свыше 80% британского рынка цифровой рекламы, поиска и облачных вычислений.

Британо-американское сотрудничество в нынешних условиях приводит к усилению зависимости Британии от США. Это определяется соотношением сил между двумя экономиками: ВВП США в 7 раз больше британского — \$28 трлн против £2,5 трлн; производство полупроводников в США и контролируемых ими цепочках в 20 раз превышает британское; военные расходы США в 14 раз выше британских; доля доллара в мировых резервах составляет 59% против менее 5% у фунта. Цифровая экономика США доминирует над британской — американские платформы контролируют свыше 80% британского рынка цифровой рекламы поиска и облачных вычислений.

Зависимое и подчинённое положение Британии в системе британо-американского блока сужает возможности её экономического маневрирования превращает в хронического должника американских финансовых рынков низводит на положение младшего партнёра и вассала американского капитала.

Первым и решающим шагом в деле включения Британии в систему американской экономической орбиты после Brexit стала Атлантическая декларация подписанная Сунаком и Байденом в июне 2023 года. Когда в американском конгрессе обсуждался вопрос о доступе британских компаний к американским субсидиям по Inflation Reduction Act главным мотивом сторонников британского участия было то что это служит задаче поддержки Британии как зависимого экономического союзника в конкуренции с Китаем. «Британия — первая линия американской технологической обороны» — так цинично заявляли американские конгрессмены и технологические лоббисты.

Соглашение было подписано на явно кабальных для Британии условиях. Британия обязалась смягчить а затем и вовсе ликвидировать самостоятельное регулирование в области искусственного интеллекта и цифровых рынков — раскрывая ворота для американской технологической экспансии. Британия далее обязалась обеспечить «открытые двери» для участия американского капитала в развитии британской оборонной и технологической инфраструктуры. Под давлением США British Steel в Сканторпе оказался на грани ликвидации в 2025 году — последний крупный британский производитель первичной стали. Государство было вынуждено вмешаться в экстренном порядке — национализировав завод в апреле 2025 года — но лишь для того чтобы не допустить

немедленного закрытия без какой-либо долгосрочной промышленной стратегии.

Прогрессивные круги в Британии решительно выступают против кабальных условий атлантической зависимости. Даже некоторые консервативные деятели подвергают их резкой критике. Бывший министр торговли Лиам Фокс писал об условиях британо-американских торговых переговоров: «Они направлены к тому чтобы поставить всю экономическую жизнь нашей страны в рамки установленные корыстными интересами американских экспортёров и финансистов. Они направлены к тому чтобы заставить наше правительство присоединиться в качестве сателлита». Особое недовольство независимые эксперты выражают по поводу американских притязаний на британский рынок данных и NHS: «Британская система здравоохранения — это та цена которой покупается доступ к американским рынкам. Каждая её часть лишённая государственной защиты будет поглощена по отдельности станет аренной американской эксплуатации данником американских медицинских корпораций».

Когда в мае 2025 года Трамп и Стармер подписали британо-американское торговое рамочное соглашение первым его поддержал Фарадж объявив это «победой здравого смысла» — несмотря на то что соглашение открывало британский рынок хлора-обработанной курятины и гормонального мяса и содержало положения облегчающие доступ американских фармацевтических компаний к ценообразованию NHS. Фарадж таким образом выступил активным проводником американских корпоративных интересов под маской британского суверенитета. «Атлантическая декларация» стала неписаной программой британских правых — и лейбористов и

Reform — объединённых в служении американскому капиталу несмотря на показную риторическую войну между ними.

В системе британо-американского блока Британия пытается играть двойственную роль. С одной стороны американский капитал используя слабость и постбрекситовскую изолированность Британии ставит задачей дальнейшее подчинение её экономики и рынков. С другой стороны США рассматривают Британию как основного европейского партнёра — наиболее послушного союзника в противостоянии с Китаем и наиболее удобный плацдарм для проникновения на европейские рынки через City и технологический сектор.

С самого начала «Атлантическая декларация» рассматривалась как экономическая основа военно-технологического союза как средство покупки британской лояльности через ограниченный доступ к американским субсидиям и технологиям. Политическим продолжением стал AUKUS расширенный в 2024 году и включение Британии в американскую систему контроля над технологическими цепочками. Кабальные для Британии условия американской «помощи» зафиксированы в двустороннем торговом рамочном соглашении мая 2025 года. Соглашение предусматривает создание механизмов взаимного признания стандартов — то есть фактически подчинение британских регуляторных норм американским. Британия обязуется обеспечить «открытые двери» для участия американского капитала в развитии NHS цифровой инфраструктуры и оборонной промышленности. Британия далее обязуется предоставлять США доступ к данным о своей экономической деятельности в рамках «партнёрства по кибербезопасности». США сохраняют право ограничивать британский экспорт технологий в третьи страны

руководствуясь соображениями «национальной безопасности» — то есть фактически диктовать британскую экспортную политику.

Американский капитал использует различные рычаги воздействия на британскую экономику и политику в целях подчинения их своим директивам. Прежде всего США стремятся подчинить Британию в финансовом и технологическом отношении — подорвать роль City как самостоятельного финансового центра и встроить его в долларовую систему на правах регионального звена.

Американские монополии устанавливают контроль над всей экономической жизнью Британии. В порядке осуществления Атлантической декларации усиливается проникновение американского капитала на Британские острова. В британской прессе сообщалось о расширении присутствия американских технологических корпораций — Microsoft Amazon Google — в британской государственной инфраструктуре причём подчёркивалось что это только начало. В Шотландии обосновался крупный дата-центр Amazon Web Services дающий продукцию на £2,5 млрд в год. В Уэльсе и на Северо-востоке Англии американские фармацевтические компании создали производственные кластеры привлечённые прежде всего наличием квалифицированной и относительно дешёвой по американским меркам рабочей силы.

Британия выступает в системе Атлантической декларации и атлантического блока не только в качестве объекта американской экспансии но и в качестве активного соучастника и партнёра. Усиление зависимости и подчинённости Британии по отношению к США не препятствует развязыванию собственных субимпериалистических appetitov. Получается своеобразная иерархия подчинения: США стремятся подчинить Западную Европу

включая Британию встраивая её в долларовую технологическую и военную орбиту; Британия в свою очередь претендует на роль привилегированного посредника между США и Европой — на руководящую позицию в европейской архитектуре безопасности и финансов после Brexit.

Получая американскую поддержку Британия одновременно выступает как субкредитор и субпосредник. Для усиления своих позиций в развивающихся странах Британия предоставляет займы и субсидии через British International Investment — бывший CDC — на сумму около £9 млрд инвестиционного портфеля. Точно так же в рамках глобальной инфраструктурной инициативы G7 Британия не только получает американскую координацию но и предоставляет финансирование ряду проектов в Африке и Азии на общую сумму около £8 млрд.

Используя тяжёлое экономическое положение ряда развивающихся стран Британия через свои финансовые структуры и City старается сохранить финансово-экономическое влияние в постколониальном мире. Британская стратегия исходит из установки на превращение Лондона в основной финансовый хаб для глобального Юга — на фоне конкуренции с Нью-Йорком, Дубаем и Сингапуром. Эта установка связана с противодействием финансовой экспансии Китая в Африке и Азии через механизмы «Пояса и пути».

В Африке американский капитал через AGOA и новые инвестиционные соглашения уже опрокинул и расстраивает тот порядок который был выстроен британскими монополиями в постколониальный период. Рост китайского влияния в Африке к 2025 году — торговый оборот Китай-Африка составляет \$282 млрд в год против \$50 млрд британского — фактически вытеснил Британию с

позиции главного экономического партнёра континента. Британские монополии развернули активность в попытке перехватить инициативу через British International Investment с портфелем £9 млрд — однако этих средств явно недостаточно для реального противостояния ни китайскому ни американскому капиталу. А самое главное — Африка всё активнее выдвигает собственные условия партнёрства требуя промышленного трансфера а не только финансовых инструментов.

Усилились центробежные тенденции и в так называемом Британском Содружестве. Канада в значительной мере перешла в экономическую и стратегическую сферу США — двусторонний товарооборот США-Канада составляет \$900 млрд в год против £25 млрд британско-канадского. В Австралии в 2021 году был создан AUKUS — военный альянс с США и Великобританией — однако именно США получили в нём доминирующую позицию фактически вытеснив Британию из ядерного подводного контракта с Францией и заменив его американо-австралийским. Шотландия в условиях нарастающего движения за независимость всё активнее ищет альтернативные европейские связи. Северная Ирландия де-факто остаётся в едином таможенном пространстве ЕС создавая постоянное конституционное и экономическое противоречие внутри Великобритании.

США осуществляют широкую экономическую экспансию на рынках бывших британских союзников. До Brexit британский экспорт в Австралию Новую Зеландию Канаду и Индию суммарно составлял около £55 млрд в год. К 2024 году несмотря на заключение ряда торговых соглашений этот показатель практически не вырос в реальном выражении. Американский экспорт в те же страны за тот же

период вырос на 40%. В импорте большинства стран Содружества США заняли первое или второе место.

Стремясь сохранить позиции в бывших доминионах британский капитал усиленно экспортирует туда финансовые и юридические услуги. Американское проникновение в Австралии особенно бурно развивается в области технологий цифровой экономики и оборонной промышленности. За 2020–2024 годы американские капиталовложения в Австралии выросли с \$860 млрд до более чем \$1 трлн. Британские капиталовложения там составляют около \$630 млрд — и их доля продолжает снижаться. Американские технологические компании — Microsoft Amazon Google — построили в Австралии крупные дата-центры и облачные инфраструктуры привлечённые прежде всего военно-стратегическим значением страны для американской Indo-Pacific стратегии.

Британо-американское сотрудничество в рамках AUKUS и атлантического блока сопровождается острой конкурентной борьбой между двумя партнёрами. Британские монополии пытаются удержать позиции в Индии через торговое соглашение подписанное в мае 2025 года — первое крупное британское торговое соглашение с Индией после Brexit — с товарооборотом потенциально до £25 млрд в год к 2030 году. Однако США одновременно ведут собственные переговоры с Индией и рассматривают британско-индийское сближение с настороженностью когда оно выходит за рамки удобного Вашингтону.

В связи с нарастающим конкурентным давлением Британия Австралия и ряд других стран Содружества предприняли попытку скоординировать позиции в рамках CPTPP — Транстихоокеанского партнёрства к которому Британия присоединилась в 2023 году. Эти

меры повели к некоторому расширению британского экспорта в Тихоокеанский регион. Однако это лишний раз свидетельствует что атлантическая лояльность не устраняет острых противоречий между британскими и американскими интересами и что эта лояльность не способна предотвратить дальнейшее экономическое ослабление Британии.

Финансовая олигархия Америки, могущественные технологические тресты, энергетические и жилищные монополии остаются полновластными хозяевами современной Британии. В постбрекситовский период ещё более усилились процессы концентрации и централизации капитала — в частности на путях сращивания монополий с государством через контракты и регуляторные структуры. В британской экономике верховодят: американский технологический концерн Palantir, энергетические тресты BP и Shell, банковская пятёрка — HSBC, Barclays, Lloyds, NatWest, Standard Chartered — фармацевтические гиганты AstraZeneca и GSK, девелоперские монополии контролирующие земельный банк страны. Крупнейшее объединение британских монополистов — Конфедерация британской промышленности (CBI) — объединяет свыше 190 тыс. компаний. Экономическая политика правительства Стармера фактически формулируется на закрытых встречах с донорами партии и лоббистами City. Характерно что канцлер Ривс до прихода в политику работала в HSBC — крупнейшем из пяти системообразующих банков.

Лейбористское правительство Стармера обеспечило щедрые контракты частному сектору: Palantir получил контракт на обработку данных NHS стоимостью £330 млн в 2023 году, расширенный до £480 млн к 2025 году. Консультационные компании McKinsey, Deloitte,

KPMG получили контракты на реформу NHS общей суммой свыше £1,5 млрд за 2022–2025 годы.

МЕХАНИЗМ

Американский Palantir начал обрабатывать NHS ещё в 2019 году — тихо, через неформальные встречи с чиновниками. В 2020-м предложил построить ковидное хранилище данных за £1. Без конкурса, без тендера — по законам чрезвычайного положения. Цена первого продления — £23 млн. Цена контракта к 2023 году — £330 млн. К 2025-му — £480 млн. Схема прямо показывает: вошли через кризис, чтобы остаться навсегда.

Но деньги — только верхушка. Настоящий механизм — люди. Расследование The Nerve (апрель 2026) установило: как минимум 32 высокопоставленных британских чиновника перешли на работу в Palantir после государственной службы.

Лоренс Ли — второй постоянный заместитель министра обороны — лично написал всю британскую военную стратегию в области ИИ и встречался с Palantir девять раз в официальном качестве между 2021 и 2023 годами. Теперь — главный советник CEO Palantir по «геостратегии».

Индра Джоши — директор ИИ NHS England, создавшая лабораторию искусственного интеллекта NHS — стала директором Palantir по здравоохранению.

Мэтью Суиндлз — заместитель CEO NHS England и личный советник премьер-министра — консультировал Palantir через лоббистскую структуру Питера Мандельсона, одновременно оставаясь председателем четырёх NHS Trusts. В 2025-м его

уличил Financial Times в том, что он убеждал врачей передавать данные пациентов на платформы Palantir.

Девять дней. Ровно столько прошло между уходом Барнаби Кистрака с должности директора по промышленной стратегии МО и его появлением в кресле старшего советника Palantir в сентябре 2025-го. Через четыре месяца — контракт с МО на £240 млн без конкурса.

Итого: £670 млн государственных контрактов. 32 перешедших чиновника. Официальные встречи с премьером, послом, шестью министрами кабинета — в одном только 2025 году. Когда Стармер в феврале 2025-го прилетел в Вашингтон, он сделал специальную остановку — в офисе Palantir. «В его глазах было видно, что он понимает», — сказал потом глава Palantir UK Луис Мосли.

Луис Мосли — внук Освальда Мосли, британского фашиста 1930-х. Таковы факты.

Здесь важна не родословная сама по себе, а политический смысл совпадения: британское государство передаёт управление медицинскими и оборонными данными компании, британское руководство которой связано с фамилией, являющейся историческим символом фашистского движения 1930-х годов. Такой факт нельзя оставлять на уровне биографической подробности. Его место — в линии: государство, данные, безопасность, частная монополия, правый поворот.

Деньги идут не только в оплату программного продукта. Они создают частную инфраструктуру управления государством. NHS, оборона, полиция и аналитика риска превращаются в

рынок, где государственный бюджет покрывает издержки, а частная компания получает контроль, данные, кадры и долгосрочную зависимость заказчика.

Управление реформируемыми государственными службами также ничего общего не имеет ни с народным интересом, ни с демократией. Во главе реформ поставлены структуры которые обладают финансовой и административной автономией, свободны от постоянной ответственности перед парламентом и являются исполнительным органом частных интересов. Эти структуры объявляются «удачным» опытом государственно-частного партнёрства — хотя первые подобные схемы PFI-контрактов 1990-х годов обошлись британскому налогоплательщику в £200 млрд переплат.

В управлениях приватизированными отраслями верховодят представители крупных корпораций. Так же сидят «достопочтенные» джентльмены в управлении водоснабжением — рядом с топ-менеджерами Thames Water, накопившей £15 млрд долга при выплате £2,7 млрд дивидендов акционерам за последнее десятилетие. В Банке Англии рядом с губернатором Эндрю Бейли — выходцем из финансовых структур City — заседают представители крупнейших банков. Характерно что канцлер Ривс до прихода в политику работала в HBOS — структуре поглощённой в итоге Lloyds Banking Group. Правительство верно служит тем же интересам которые кормили его членов до прихода во власть.

THAMES WATER: ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРИБЫЛИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УБЫТКИ

Thames Water — не исключение и не управленческий сбой. Это образец того, как работает приватизированная инфраструктура при власти финансового капитала: долг накапливается, дивиденды выплачиваются, трубы разрушаются, регулятор фиксирует нарушения, а затем государство вынуждено обсуждать спасение системы, потому что без воды не может существовать общество.

Именно здесь видно, что буржуазная приватизация не означает частную ответственность. Она означает частное присвоение дохода и общественное покрытие последствий. Когда актив приносит прибыль — он частный. Когда наступает авария, долг и разрушение — он становится «национальной проблемой».

Такая модель должна быть поставлена рядом с NHS и Palantir: в одном случае частный капитал присваивает водную ренту, в другом — цифровую ренту с медицинских данных, в третьем — военную ренту через оборонный заказ.

На конференции лейбористов в Ливерпуле в 2024 году профсоюзы внесли резолюцию с требованием национализации энергетики и водоснабжения. Выступавшие против этой резолюции лейбористские министры цинично заявили что «среди профсоюзов нет людей, которые понимают как управлять сложной инфраструктурой». Руководство добилось снятия резолюции, обещав провести «консультации о реформе регулирования». Примерно то же повторилось на конференции 2025 года. Реформа Thames Water подготовлена таким образом

что лейбористы готовят яичницу не разбивая яиц — чтобы в любой момент всё можно было вернуть в прежнее состояние если такова будет воля кредиторов.

Что касается реформы Thames Water и водного сектора, то правительство Стармера всячески затягивало национализацию и к 2025 году начало проводить «специальное администрирование» — то есть фактически государственное спасение убыточной компании — ещё более антинародными методами, ещё более открыто в интересах кредиторов-монополистов. Во-первых, не вся компания переходит под государственный контроль. Далее — компенсация кредиторам устанавливается по завышенным оценкам активов.

Управляющая структура наделяется широкой автономией, причём всё управление сохраняется в прежнем виде. Роль правительства сводится к тому что оно фактически принимает на себя убытки, обеспечивая при этом сохранение требований частных кредиторов. Консерваторы заявляют что они не собираются возвращаться к полной национализации потому что «нельзя яичницу вновь превратить в яйца». Реформа водоснабжения подготовлена таким образом что лейбористы готовят яичницу не разбивая яиц — чтобы в любой момент всё можно было вернуть в прежнее состояние если такова будет воля кредиторов.

Афера с PFI-контрактами, ставшая предметом парламентских расследований в 2023–2025 годах, обнаружила как лейбористские и тред-юнионистские выдвиженцы становились консультантами тех же корпораций которые они регулировали, послушно выполняя их директивы. Правительство постаралось

замять скандал, ограничившись несколькими отставками на уровне заместителей министров.

Программа лейбористов 2024 года отвергала требования профсоюзов о национализации энергетики, водоснабжения, транспортной инфраструктуры и жилья — и для отвода глаз выдвигала лишь предложения о создании GB Energy как государственной компании без реального контроля над сектором. Выступления лейбористских лидеров в защиту этой программы представляли собой панегирик государственно-частному партнёрству и «привлечению частных инвестиций».

III. Банки, земля, данные и военный заказ

Фарадж не является первопричиной британского кризиса. Он является политической формой, через которую крупный капитал направляет народное недовольство вправо. Поэтому анализ нельзя строить вокруг одной партии. Его надо строить вокруг власти монополий: банк, страховая группа, управляющий активами, военный подрядчик, энергетическая компания, земельный держатель, цифровая платформа и медийная машина.

Современная Британия управляется не только парламентом и кабинетом министров. Реальная власть распределена между финансовыми группами City, американскими управляющими активами, энергетическими и оборонными концернами, фармацевтическими корпорациями, строительными группами,

консалтингом и цифровыми платформами. Именно эта система определяет пределы политики Стармера, тори и Reform UK.

ЦЕНТР ВЛАСТИ — БАНК И ДОЛГ

HSBC, Barclays, Lloyds, NatWest и Standard Chartered нельзя ставить рядом с прочими компаниями как обычный перечень. Они должны стоять в центре анализа. Через кредит, ипотеку, выпуск облигаций, корпоративное финансирование, обслуживание государственного долга и связь с пенсионными и страховыми фондами банки определяют, кому достаётся капитал, кто выживает, кто сливается, кто банкротится и кто получает государственную поддержку.

К этому банковскому слою добавляется второй этаж — управляющие активами и страховые группы: BlackRock, Vanguard, State Street, Legal & General, Aviva, Prudential и пенсионные фонды. Они держат доли в банках, энергетике, оборонке, фармацевтике и инфраструктуре. Поэтому британская экономика всё чаще действует как младший партнёр англо-американского финансового блока.

City живёт не промышленным подъёмом, а обслуживанием долгового оборота, страхования, валютных операций, деривативов, юридического оформления сделок и офшорной архитектуры. Капитал идёт не в станки, а в бумаги; не в фабрики, а в финансовые требования; не в реконструкцию Севера, а в выкуп акций и дивиденды. Так финансовая рента подменяет промышленное развитие.

Сфера власти	Носители власти	Политический результат
Банки и государственный долг	HSBC, Barclays, Lloyds, NatWest, Standard Chartered, рынок gilts, рейтинговые агентства	Бюджетная политика подчиняется долговому рынку и интересам City
Сбережения населения	Legal & General, Aviva, Prudential, пенсионные фонды, BlackRock, Vanguard, State Street	Сбережения рабочих превращаются в капитал для дивидендов, выкупа акций и корпоративного контроля
Земля и жильё	land banks, девелоперы, REIT, ипотечные банки, арендные фонды	Зарплата рабочего возвращается капиталу через аренду, ипотеку и рост земельной ренты
Энергия и вода	Shell, BP, National Grid, Thames Water и водные компании	Жизненно важные службы превращены в источники ренты
Оборонный заказ	BAE Systems, Rolls-Royce Defence, Babcock, QinetiQ и подрядчики	Милитаризация становится способом гарантированной прибыли
Данные и цифровая власть	Palantir, Microsoft, Google, Amazon Web Services, Meta	Государственные службы переходят в зависимость от частных платформ
Медиа и политическая агитация	GB News, TalkTV, X, YouTube, Meta, рекламные сети и донорские фонды	Правый протест производится и усиливается алгоритмами

Жилищный кризис нельзя объяснять только нехваткой домов. Его надо объяснять земельной рентой, ипотечным процентом, девелоперскими земельными банками, арендной системой и зависимостью муниципалитетов от частных подрядчиков. Рабочий платит трижды: сначала через низкую зарплату, затем через ипотеку или аренду, затем через налоги, из которых государство субсидирует инфраструктуру и спасает частные схемы.

То же относится к воде, энергии и транспорту. Thames Water показывает, как работает современная рента: актив приватизирован, долг накапливается, дивиденды выплачиваются, трубы гниют, государство угрожает вмешательством, а потребитель получает рост счетов. Это не случайное плохое управление. Это форма извлечения дохода из жизненно необходимой службы.

Энергетика построена по той же логике. Shell, BP, National Grid и поставщики энергии находятся в положении, при котором кризис для населения становится источником дохода для капитала. Рабочий платит повышенный счёт за газ и электричество, а акционер получает дивиденд. Правительство называет это рынком, но фактически речь идёт о передаче жизненно важной инфраструктуры под контроль финансового капитала.

PALANTIR КАК НОВАЯ ФОРМА МОНОПОЛИИ

В середине XX века монополия контролировала нефть, сталь, табак, суда, прессу и банковский кредит. В 2026 году она контролирует государственные данные, медицинские записи, полицейскую аналитику, военные алгоритмы, облака и платформы принятия решений.

Поэтому Palantir надо ставить не как частный эпизод NHS, а как центральный пример новой цифровой монополии. Контракт NHS на Federated Data Platform, работа с оборонным сектором и попытки входа в полицейскую аналитику показывают одну линию: частная американская компания получает доступ к основным массивам государственной информации.

Это уже не обычная приватизация. Это передача нервной системы государства частному подрядчику. Государство оплачивает создание системы, чиновники переходят к подрядчику, а контроль над данными и алгоритмическим управлением получает частная монополия.

Военная экономика является вторым опорным столбом. BAE Systems должна быть показана не как отдельная успешная компания, а как центр военной прибыли. Рост военных расходов, поставки Украине, расширение обязательств перед НАТО и новые оборонные программы превращают государственный бюджет в канал гарантированного заказа. Война и угроза войны становятся источником устойчивой доходности для акционеров.

Здесь раскрывается подлинная роль Reform. Фарадж не отменяет власть банков, не трогает земельную ренту, не национализировать воду, не возвращает данные NHS под общественный контроль, не ломает власть управляющих активами, не выступает против военного заказа как источника прибыли. Он даёт рабочему не программу освобождения, а список врагов, удобных капиталу: мигрант, Брюссель, судьи, регуляторы, климатическая политика.

Поэтому Reform UK — не восстание против системы. Это система в правой маске. Её задача — перевести недовольство рабочего класса с банков, монополий, ренты, военных подрядчиков и американских платформ на более удобные для капитала цели.

IV. Монополии, прибыль и обнищание рабочего класса

Прибыли монополий продолжают скачкообразно расти. Если принять индекс прибылей FTSE 100 в 2020 году за 100, то он составил в 2022 году — 142, в 2023 году — 158, в 2024 году — 171. Дивиденды выплаченные акционерам компаний FTSE 100 составили в 2022 году £78,9 млрд, в 2023 году — £82,3 млрд, в 2024 году — рекордные £87,2 млрд.

АРИФМЕТИКА КОТОРУЮ НИКТО НЕ СКЛАДЫВАЕТ — НО НЕ ТРУДНО СЛОЖИТЬ

В 2026 году FTSE 100 выплатит акционерам рекордные £88 млрд дивидендов. Из них 52% — то есть £45,7 млрд — выплатят десять компаний. Десять из ста.

HSBC — £10,7 млрд. Shell — £6,3 млрд. British American Tobacco — £5,3 млрд.

Сверху — байбэки: в 2024-м FTSE 100 выкупил собственных акций на £58,3 млрд. Новый рекорд. Итого корпоративные выплаты владельцам — свыше £146 млрд за один год.

Реальная заработная плата 60% британских работников — ниже уровня 2021 года. Продовольственными банками в 2024–2025 годах воспользовались 3,1 млн человек — в три раза больше чем в 2019-м. Правительство объясняет бюджетную консолидацию просто — «отсутствием денег».

Деньги есть. Они просто текут в другую сторону.

БАЙБЭКИ ПРОТИВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Выкуп собственных акций является не технической бухгалтерской операцией, а политэкономическим фактом. Капитал, который мог бы идти в новые мощности, станки, обучение, жильё и инфраструктуру, возвращается владельцам через рост цены акции и сокращение числа бумаг в обращении.

Так монополия показывает свою действительную программу: не расширение производства, а поддержание дохода собственника. Чем больше байбэк, тем яснее видно, что разговоры о «нехватке денег» для NHS, школ, жилья и промышленности являются сознательной ложью.

Британская экономика потому и топчется на месте, что прибыль превращается не в производительное вложение, а в финансовое самовознаграждение капитала.

ПЕРЕКРЁСТНЫЕ ДИРЕКТОРА — 2025 ГОД

В середине XX века британские исследователи монополий показывали: директора крупнейших банков одновременно занимали сотни постов в промышленных, оборонных, страховых и колониальных компаниях. Это и называлось сращиванием банковского и промышленного капитала.

Семьдесят лет спустя механизм тот же. Изменились только названия компаний и форма оформления.

Имя / должность	Банк / финансы	Пром-сть / оборона / энергетика	Государство / регуляторы
Брайан Гилвери	Barclays (ст. незав. директор, с 2020)	INEOS Energy (председатель); VP (CFO 2012–2020)	МО: член Совета МО, пред. Комитета по аудиту (с 2023)
Эндрю Маккензи	—	Shell plc (председатель)	UKRI: председатель (бюджет £8 млрд/год; с 2021)
Три директора Barclays одновременно	Barclays	—	Члены советов трёх государственных департаментов (по данным The Ecologist, 2025)
Директор British Airways	—	IAG / British Airways (коммуникации и лоббинг)	Кабинет Министров: член совета (лоббирует против климатических норм авиации)
Выходцы из PwC / McKinsey / Deloitte	Аудит крупных банков	Консалтинг для нефтяного сектора	Non-exes директора в нескольких министерствах одновременно

Доктор Брайан Гилвери занимает кресло старшего независимого директора Barclays, одновременно возглавляет INEOS Energy (нефтехимия) и заседает в Совете Министерства обороны, где председательствует в Комитете по аудиту. Три роли. Три конфликта интересов. Ноль публичного обсуждения.

Сэр Эндрю Маккензи, будучи председателем Shell — нефтяного мажора с активами \$350 млрд — одновременно возглавляет UKRI, национальное агентство с бюджетом £8 млрд, финансирующее британскую науку. Сотрудники UKRI в 2024 году открыто спросили его: «Как вы можете возглавлять организацию, чьи исследователи

доказывают необходимость прекращения ископаемой добычи — и одновременно быть председателем Shell?». Ответ не удовлетворил никого.

The Ecologist (октябрь 2025) установил: две трети non-executive директоров британских государственных департаментов приходят из корпоративного сектора. Группа риска и старший советник CEO Barclays — оба одновременно заседают в советах государственных департаментов.

Тогда это называлось личной унией капитала — способом управления страной без видимого контроля. В 2025 году это называется независимым надзором.

CITY: ГДЕ НАХОДИТСЯ ЦЕНТР ПРИБЫЛИ

Главный получатель британской модели — не рабочий Север, не NHS, не промышленность, а финансовый аппарат City. Британия всё больше экспортирует не машины и станки, а финансовые, страховые, юридические и бухгалтерские услуги. Это означает, что национальный доход всё сильнее зависит от оборота долгов, комиссий, премий, сделок, бумаг и посредничества.

Когда государство говорит о «росте», речь чаще всего идёт не о новой фабрике, а о новой сделке, новом фонде, новом выпуске облигаций, новой схеме страхования, новом контракте с консультантами. В этой системе промышленность становится подчинённой частью финансового оборота, а рабочий класс —

источником платежей по аренде, ипотеке, коммунальным счетам, налогам и потребительскому кредиту.

Отсюда и политическая слабость страны: экономика, которая живёт прежде всего на финансовой ренте, не способна быстро восстановить промышленную базу. Она может оплатить консультанта, но не построить завод; может выпустить долговую бумагу, но не создать станочный парк; может выкупить акции, но не восстановить Сканторп.

Заморозив реальный рост зарплат в государственном секторе — правительство Стармера устами канцлера Ривс обратилось с увещанием к корпорациям «проявить сдержанность» в росте прибылей. Это обращение означало на деле простой совет — лучше маскировать прибыли через байбэки акций и офшорные структуры. Ответ корпораций: дальнейшее снижение корпоративного налога, сохранение офшорных режимов, рост интенсивности труда.

По данным ONS на 2025 год, 1% населения Британии владеет 23% всех богатств страны, а 10% — владеют 57%. 14,4 млн человек живут за чертой бедности, из них 4,3 млн — дети. Эта социальная пирамида присутствует в неприкосновенности как при лейбористском правительстве, так и при правительстве консерваторов. Налоговые льготы финансовому сектору City составили £4,3 млрд в 2024–2025 годах, контракты с консалтинговыми корпорациями выросли до £3,2 млрд в год.

Снижение жизненного уровня трудящихся происходит по различным линиям. Если принять 2019 год за 100, то к маю 2026 года индекс реальных расходов рабочей семьи составляет около 134 — жизнь

подорожала на треть. Индекс номинальной заработной платы в частном секторе составляет около 124, в государственном — около 116. Реальная заработная плата государственных работников снизилась примерно на 13–15% относительно 2019 года. Счета за энергию выросли в 2,1 раза относительно 2021 года. По оценкам IFS замораживание налоговых порогов эквивалентно дополнительному изъятию £25 млрд в год из доходов среднего класса. Council tax и NI выросли на 30–40% за последние пять лет, и до 70–75% этого бремени падает на рабочих и служащих. По данным Resolution Foundation рабочему в Британии в 2025 году надо работать в 1,5–2 раза дольше чем в 2000 году чтобы приобрести жильё в собственность.

ЗЕМЛЯ И ЖИЛЬЁ: СКРЫТАЯ ФОРМА ЭКСПЛУАТАЦИИ

Жилищный вопрос является не побочной социальной темой, а одним из главных механизмов перераспределения заработной платы в пользу капитала. Рабочий получает зарплату, но значительная её часть немедленно возвращается финансовому сектору через аренду, ипотеку, проценты, страхование, council tax и коммунальные платежи.

Крупные девелоперы и земельные держатели не стремятся строить столько, сколько нужно обществу. Их интерес — удерживать дефицит, поддерживать цену земли и продавать жильё так, чтобы маржа оставалась высокой. Земельный банк становится не резервом строительства, а формой власти над будущей ценой.

Так жилищная политика превращается в дисциплину рабочего класса. Человек, задавленный арендой или ипотекой, менее

свободен в политике, слабее в забастовке и зависимее от работодателя. Земельная рента становится политическим оружием капитала.

Доклад Joseph Rowntree Foundation за 2025 год: среднее британское домохозяйство тратит на 18% больше в реальном выражении на базовые нужды чем в 2019 году. Потребление мяса в малообеспеченных домохозяйствах сократилось на 21% за 2021–2025 годы. Число британцев пользующихся продовольственными банками достигло рекордных 3,1 млн человек — рост в 3 раза относительно 2019 года. Стоимость продовольственной корзины рабочей семьи выросла с ноября 2021 по май 2026 года примерно на 28%.

Жилищные условия в Британии были чрезвычайно тяжёлыми для трудящихся масс ещё до кризиса. За период 2010–2024 годов было разрушено — через недофинансирование и деградацию — около 20% социального жилищного фонда. Правительство Стармера обещало построить 1,5 млн домов за пять лет, но эти обещания в значительной мере остаются на бумаге. Темпы жилищного строительства в 2024–2025 годах составили около 220 тыс. единиц в год — вместо требуемых 300 тыс. В 2025 году правительство в порядке бюджетной экономии сократило капиталовложения в социальное жильё с £11,5 млрд до £9,4 млрд.

Бюджет Ривс октябрь 2024 года: повышение взносов на национальное страхование работодателями на 1,2%, что немедленно было переложено на работников через заморозку найма и рост цен. Счета за электроэнергию и газ выросли в апреле 2025 года на 6,4%.

Гендерный разрыв в оплате труда составляет по данным ONS 2025

года 14,3% в пользу мужчин — и практически не сократился за два года лейбористского правительства.

Доля заработной платы в национальном доходе снизилась с 74% в 2008 году до 68% в 2025 году, а доля прибылей и рент выросла соответственно. Индекс промышленного производства в 2024 году составляет лишь 97 от уровня 2019 года — к началу 2026-го промышленное производство так и не вернулось к доковидному уровню. Британия имеет 101 промышленный робот на 10 000 работников — против 397 в Германии, 332 в США и 1012 в Южной Корее. В 2024 году британские корпорации вывели за рубеж через прямые иностранные инвестиции около £85 млрд — в два раза больше чем вложили в отечественную промышленность.

Правительство много говорит о «промышленной стратегии». Планы сыплются как из рога изобилия: стратегия 2024 года, исправленная версия 2025 года, «десятилетняя инфраструктурная программа». The Guardian рассказала что нынешние лейбористские «промышленные стратегии» составляются по рецептам McKinsey и Deloitte — крупные монополии запрашиваются об их инвестиционных планах, затем всё это соединяется вместе и разбавляется лейбористской риторикой о «справедливом переходе». Состав учреждённого в 2023 году Британо-американского делового и технологического совета: во главе — представители JPMorgan, Goldman Sachs, Google, Microsoft, Palantir, два представителя от британских профессиональных ассоциаций и постоянные заместители трёх британских министров. То есть те же доверенные лица City и Кремниевой долины.

Монополии продолжают обычную для них политику искусственного ограничения предложения с целью поддержания цен. По данным Ofgem в британской энергетике мощности генерации недозагружены

на 20–30% в пиковые периоды при одновременном росте цен для потребителей. Недогрузка судостроительной и машиностроительной промышленности сохраняется на уровне 40–50% от потенциальной мощности.

К конференции лейбористов в Ливерпуле в 2024 году было выпущено обращение исполкома партии озаглавленное «Рост — путь к процветанию». Смысл этого лозунга — отвлечь рабочих от структурных причин их обнищания, убедить их в том что у них общий интерес с корпорациями в деле «повышения производительности». А главное в этом лозунге — нажим на интенсивность труда и легитимация гибкого рынка занятости. Призыв к росту производительности без роста заработной платы занимал центральное место и на конференции 2025 года.

Производительность труда в Британии ниже чем во Франции, Германии и США в результате технической и организационной отсталости британской промышленности. Капиталовооружённость на одного работника в Британии вдвое ниже чем в США и на 30% ниже чем в Германии. За период 2010–2024 годов капитальное оборудование в производственном секторе устаревало быстрее чем обновлялось. Значительная его часть оказалась физически и морально изношенной.

Лейбористское руководство перед приходом к власти в 2024 году дало обещание добиться технической реконструкции британской промышленности через GB Energy и национальный инвестиционный фонд. Это обещание в значительной мере осталось обещанием. Капиталовложения и политика капиталовложений определяются в Британии не правительством а финансовой олигархией City.

Положение с новыми капиталовложениями в производство определяется следующими данными. Ежегодный объём производственных инвестиций в Британии составляет около £200 млрд — из которых лишь около £40 млрд идёт непосредственно в обрабатывающую промышленность. В 2022–2024 годах капиталовложения в производство соответствовали лишь уровню амортизации и были ниже необходимого для реального обновления фонда. Британские монополии весьма скупко вкладывающие новые капиталы в отечественное производство — в 2024 году британские корпорации вывели за рубеж через прямые иностранные инвестиции около £85 млрд, то есть в 2 раза больше чем вложили в отечественную промышленность.

О ходе технического обновления можно судить по тому что снабжение промышленными роботами и станками с ЧПУ значительно отстаёт от уровня конкурентов. Британия имеет 101 промышленный робот на 10 000 работников — против 397 в Германии, 332 в США и 1012 в Южной Корее. Снабжение оборудованием машиностроения составляет около 65% от необходимого уровня. В то же время форсируется экспорт финансовых и юридических услуг. В финансовом секторе капиталовложения в 3–4 раза превышают капиталовложения в производство.

Неравномерность развития различных отраслей британской экономики ещё более усилилась в постбрекситовский период. Это сказывается на распределении капиталовложений — осуществляемых стихийно в соответствии с интересами монополий. Правительство старается направить основную массу государственных инвестиций в отрасли связанные с оборонным комплексом — расходы на оборону

выросли с 2% ВВП в 2023 году до 2,5% в 2026 году согласно обязательствам НАТО.

Неразрешёнными остаются и основные проблемы продовольственной безопасности. Постбрекситовские торговые барьеры затруднили поставки сельскохозяйственной рабочей силы и импорт продовольствия из ЕС. Британия производит внутри страны около 60% потребляемого продовольствия против 75% в 1980-х. Независимые эксперты предлагают в течение ближайших пяти лет увеличить государственную поддержку фермерских хозяйств, организовать помощь малым фермерам и поощрять кооперацию. Однако при правительстве Стармера сельское хозяйство не только не продвинулось вперёд — а сделало шаг назад. Объём государственных субсидий фермерам сократился после замены системы EU Common Agricultural Policy на схему Environmental Land Management — из 100 тысяч фермерских хозяйств получавших субсидии около 40 тысяч получили в 2024 году меньше чем прежде. Министр сельского хозяйства Стив Рид в 2025 году был вынужден признать кризис в отрасли и провал первоначальных планов перехода.

Ликвидировать хронический дефицит платёжного баланса можно лишь путём решительной реиндустриализации. Дефицит текущего счёта составлял в 2016 году £96 млрд, в 2019 году — £80 млрд, в 2023 году — £74 млрд, в 2024 году — около £80 млрд. Дефицит торговли товарами составил в 2024 году около £230 млрд — частично компенсируемый профицитом в торговле услугами в £170 млрд. До Brexit Британия экспортировала около 45% производимых промышленных товаров — к 2024 году доля промышленного экспорта в ВВП упала до исторического минимума в 9%.

Промышленный экспорт в 2024 году лишь на 3% превышает уровень 2016 года.

Лейбористские обещания о «хорошей работе для каждого» оказались блефом. По данным ONS число экономически неактивных — то есть тех кто вышел из рынка труда полностью — выросло с 8,5 млн в 2019 году до 9,4 млн в 2025 году. Официальные данные показывают рост занятости — но значительная её часть это неполная занятость и нулевые часовые контракты. По оценкам TUC реальная скрытая недозанятость охватывает около 3 млн человек сверх официальной безработицы.

В британской экономической конъюнктуре уже с 2024 года появились признаки приближающегося спада: прекращение роста промышленного производства в ряде отраслей, падение розничных продаж, рост запасов на складах розничной сети. С начала 2025 года страна балансирует у порога технической рецессии. Это нашло выражение в росте дефицита внешнеторгового баланса, в обострении валютного давления на фунт, в замедлении роста ВВП до 0,1–0,3% в квартал, в сокращении сбережений домохозяйств до исторически низкого уровня в 8,9% от располагаемого дохода.

Таков реальный итог лейбористского «прогрессивного правительства перемен»: прогресс на словах, служение монополистическому капиталу на деле. Но не думайте что Reform UK «поправит дело» — она уничтожит, придя к власти, все остальные партии, как это сделал в своё время Гитлер. В конечном счёте английский рабочий окажется в том же положении как и немецкий рабочий во времена Гитлера. Фашизм — это террористическая диктатура монополистического капитала. Его цель — укрепление классового господства крупной

буржуазии, предотвращение революционного взрыва, подавление рабочего класса и его организаций.

V. Фараджизм, NHS, война и медийная машина

Reform пытается выдать за реформу осуществляемую ею риторику о приватизации NHS и дерегуляции. Требование «освободить NHS от бюрократии» продвигается под нажимом снизу — от доведённых до отчаяния пациентов и работников здравоохранения. Но Reform, торжественно обязавшись улучшить NHS, продвигает её реформирование таким образом, что выхолащивает из неё всякое общественное содержание и приспособливает к интересам частного капитала.

Приватизация по-фараджистски является государственно-капиталистическим мероприятием в интересах американских и британских медицинских корпораций. Ослабление британского государства и его позиций именно и содействует развитию частнокапиталистических тенденций в британском здравоохранении. Британский финансовый капитал силою обстоятельств побуждается к максимальной концентрации своих сил под прикрытием популистской риторики. При оценке характера этих мероприятий решающее значение имеет вопрос: в чьих руках окажется реальный контроль — и ответ очевиден: в руках Palantir, американских страховых корпораций и частных медицинских сетей.

Поскольку британский капитал вынужден идти на такие мероприятия как частичное сохранение NHS — эта реформа осуществляется

Reform на пользу капитала против рядового пациента и медработника. Весьма характерно что и тори не возражают против большинства реформаторских предложений Reform. Экономическая программа консерваторов Бейденков, опубликованная в 2025 году, указывает что консерваторы в случае их прихода к власти не будут требовать отмены рыночных механизмов в NHS и ограничатся лишь некоторой модификацией методов управления.

Для программы Reform характерен выбор объектов реформ. Если бы даже была осуществлена вся декларируемая программа Reform, то реально изменено было бы только то, что мешает финансовому капиталу — а 80% структурных проблем британской деиндустриализации, жилищного кризиса и энергетической зависимости осталось бы нетронутым. Реформой затрагиваются в первую очередь отрасли явно затратные для государства — NHS, социальные службы, регуляторы — то есть именно те, ликвидация которых снижает издержки капитала и открывает рынки для американских корпораций. Реформа NHS по-фараджистски означает что правительство снимает с себя издержки, возлагает их на налогоплательщика в форме страховых взносов — обеспечивая при этом сохранение и умножение прибылей частных медицинских операторов. Недаром сам Фарадж в интервью 2025 года заявил, обращаясь фактически к донорскому классу: «Мы освободим вас от регуляторного бремени».

Свое верное служение американскому правому лагерю Фарадж прикрывает фальшивыми фразами о «народном суверенитете» и «британских интересах». Reform открыто прославляет американскую модель дерегулированного капитализма. Свои экономические концепции Reform заимствовала у представителей американской

либертарианской школы — Тиль и его круг как современные спонсоры. В период обострения кризиса доверия к истеблишменту финансовому капиталу понадобились новые средства идеологического обмана — и фараджизм оказался подлинной находкой.

Бэннон называл стратегию прямо: «найти людей которых система бросила и дать им врага». Врагом назначены мигранты и элиты — но не американские корпорации контролирующие NHS, не Palantir хранящий данные британских пациентов, не Тиль финансирующий саму Reform. И уж точно не BAE Systems — военный концерн чьи акционеры зарабатывают на каждом новом витке напряжённости которую Фарадж риторически поддерживает.

ВОЕННАЯ МОНОПОЛИЯ: КТО ЗАРАБАТЫВАЕТ НА ВОЙНЕ

Есть компания которая выиграла от каждого месяца войны в Украине больше чем любая другая британская корпорация. BAE Systems — прямой наследник «Виккерс-Армстронг», крупнейшего военного концерна Британии середины XX века, чьи директора заседали в правлениях всех крупнейших банков страны.

Это и есть современный вид старого военного капитала: государство объявляет угрозу, бюджет открывает ассигнования, министерство обороны размещает заказ, подрядчик фиксирует прибыль, управляющие активами получают дивиденды, а рабочему объясняют, что на больницы и жильё денег нет.

С февраля 2022 года — с первого дня российского вторжения — акции BAE Systems выросли на 255%. £10 000 вложенных накануне войны превратились в £33 639 к началу 2026 года.

Финансовые результаты 2025 года: выручка — рекордные £30,66 млрд (+10%), прибыль до налогов — £3,32 млрд (+12%), портфель заказов — рекордные £83,6 млрд. Компания вернула акционерам £1,5 млрд через дивиденды и байбэки только за 2025-й. Прогноз на 2026: рост продаж ещё на 7–9%. CEO Чарльз Вудберн назвал происходящее «новой эрой оборонных расходов».

Теперь посмотрим кто требует этой «новой эры». Фарадж — самый громкий сторонник наращивания военных расходов «без ограничений». Reform требует 3% ВВП на оборону. Каждый процент добавленный к оборонному бюджету — это прямой заказ BAE Systems. Война которую Фарадж риторически поддерживает — это прибыль которую получают акционеры BAE.

Крупнейшие акционеры BAE Systems — BlackRock, Vanguard, Legal & General. Те же управляющие активами которые сидят в советах директоров тех же банков которые финансируют британский государственный долг. Те же фонды которые через посредников поддерживают медийную экосистему Reform.

Фарадж кричит про суверенитет. Деньги от его риторики текут на верфи BAE Systems, а оттуда — дивидендами в Лондон и Нью-Йорк.

Агрессивная политика атлантического блока неразрывно связана с новой гонкой вооружений и всесторонней

милитаризацией британской экономики. Военные расходы составлявшие в 2014 году £33 млрд — около 2% ВВП — к 2025 году выросли до £54 млрд и согласно обязательствам перед НАТО должны достичь 2,5% ВВП то есть около £67 млрд к 2027 году. За четыре года с 2022 по 2025 год на военные нужды было израсходовано около £200 млрд — в 2,5 раза больше чем за предыдущие четыре года. Военные расходы поглощают уже около 8–9% государственного бюджета — и эта доля растёт. Даже мейнстримные экономисты указывают что Британии не под силу одновременно наращивать военные расходы, реиндустриализировать Север, финансировать NHS и удерживать дефицит бюджета. The Economist писал об этом прямо: «Британия может иметь достаточно ракет или достаточно больниц — но не достаточно того и другого одновременно».

Печать военной экономики лежит на всех областях британского хозяйства. К 2025 году прежний уровень или выше него достигли лишь те отрасли которые прямо связаны с военными нуждами или с финансовым сектором — производство вооружений, аэрокосмическая отрасль, нефтехимия, финансовые услуги. Мирные же отрасли — строительство, текстиль, пищевая промышленность, розничная торговля — стагнируют или сокращаются. Спасение British Steel в апреле 2025 года — последнего завода первичной стали — министр промышленности Рейнольдс мотивировал тем что «в условиях нарастающей военной угрозы нам потребуются отечественная первичная сталь». Это не промышленная политика — это военная логистика.

Когда в мае 2025 года Трамп и Стармер подписали британо-американское торговое рамочное соглашение — первым его поддержал Фарадж, объявив это «победой здравого смысла». Несмотря на то что соглашение открывало британский рынок хлорированной курятины и гормонального мяса и содержало положения облегчающие доступ американских фармацевтических компаний к ценообразованию NHS. Фарадж таким образом выступил активным проводником американских корпоративных интересов под маской британского суверенитета. «Атлантическая декларация» стала неписаной программой британских правых — и лейбористов и Reform — объединённых в служении американскому капиталу несмотря на показную риторическую войну между ними.

Кабальные для Британии условия американской «помощи» зафиксированы в двустороннем торговом рамочном соглашении мая 2025 года. Соглашение предусматривает создание механизмов взаимного признания стандартов — то есть фактически подчинение британских регуляторных норм американским. Британия обязуется обеспечить «открытые двери» для участия американского капитала в развитии NHS, цифровой инфраструктуры и оборонной промышленности. Британия далее обязуется предоставлять США доступ к данным о своей экономической деятельности в рамках «партнёрства по кибербезопасности». США сохраняют право ограничивать британский экспорт технологий в третьи страны — то есть фактически диктовать британскую экспортную политику. Британия обязалась уменьшить барьеры для американского продовольствия и фармацевтики — допустив продукты не принятые в ЕС, что охватывает около 15% британского импорта

продовольствия. В то же время Британии не удалось добиться от США отмены стальных и алюминиевых тарифов — сохранение которых наносит прямой ущерб остаткам британской металлургии.

Американские поставки технологий по Атлантической декларации являются методом своеобразного регулирования британской экономики. Реальные промышленные технологии — станки, роботы, производственное оборудование — составляют лишь малую долю американского технологического трансфера. Львиную долю составляют программное обеспечение, облачные сервисы и платформенные решения — то есть инструменты создающие постоянную зависимость а не производственный суверенитет. Американские монополии не хотят восстанавливать конкурирующую с ними британскую промышленность — они хотят обеспечить более широкий сбыт своих цифровых сервисов на британском и через Британию на европейском рынке.

Одним из органов американского контроля над британской экономикой является созданный в 2023 году Британо-американский деловой и технологический совет. На первых заседаниях американская сторона поставила вопросы затрагивающие основные проблемы внутренней британской политики: о роли государственного регулирования цифровых рынков, о правах профсоюзов в платформенной экономике, о стандартах NHS. Представитель американской стороны заявил что «если в Британии сохраняются регуляторные правила при которых американские технологические компании не могут эффективно работать — то США будут настаивать на изменении этих условий прежде чем американский капитал

начнёт масштабно инвестировать в британскую инфраструктуру». Американская сторона официально выдвигает претензию на право вмешательства во внутренние регуляторные дела Британии. Их забота о повышении производительности сводится к требованию снижения затрат на рабочую силу и повышения интенсивности труда через автоматизацию без гарантий занятости.

Усиление долларовой зависимости Британии создало структурную брешь в финансово-валютной системе страны. Фунт потерял около 25% стоимости относительно доллара за 2016–2023 годы. Валютные резервы Банка Англии составляют около \$110 млрд — в 25 раз меньше резервов Китая. Британия хронически зависит от притока иностранного капитала для финансирования дефицита текущего счёта — около £80 млрд в год. Воспользовавшись этим положением монополисты Уолл-стрита через рейтинговые агентства и давление на долговые рынки фактически диктуют параметры британской бюджетной политики. Именно под этим давлением канцлер Ривс в октябре 2024 года была вынуждена объявить о бюджетной консолидации — новом наступлении на жизненный уровень трудящихся. За 2016–2024 годы американские корпорации приобрели британские активы на сумму свыше \$400 млрд — включая крупные промышленные предприятия, фармацевтические компании и технологические фирмы.

США искусственно сдерживая британский доступ к китайским технологиям и одновременно не обеспечивая реального промышленного трансфера оставляют Британию в технологическом вакууме. В результате политики следования американским санкционным ограничениям Британия оказалась

в значительной мере отрезана от китайского рынка и российских энергоносителей одновременно. Политика экономической дискриминации в отношении России с 2022 года усилила долларовую зависимость — Британия теперь покупает за доллары сжиженный газ из США вместо более дешёвого трубопроводного газа.

Усилились центробежные тенденции в так называемом Британском Содружестве. Канада в значительной мере перешла в экономическую и стратегическую сферу США — двусторонний товарооборот США-Канада составляет \$900 млрд в год против £25 млрд британско-канадского. В Австралии США получили в AUKUS доминирующую позицию, фактически вытеснив Британию из ядерного подводного контракта с Францией. Шотландия в условиях нарастающего движения за независимость всё активнее ищет альтернативные европейские связи. Северная Ирландия де-факто остаётся в едином таможенном пространстве ЕС, создавая постоянное конституционное и экономическое противоречие внутри Великобритании. Рост китайского влияния в Африке к 2025 году — торговый оборот Китай-Африка составляет \$282 млрд в год против \$50 млрд британского — фактически вытеснил Британию с позиции главного экономического партнёра континента.

Объектом серьёзных британско-американских разногласий является вопрос о British Steel и сохранении британской металлургии. В конце концов под давлением Британия вынуждена была в апреле 2025 года провести экстренную национализацию British Steel в Скенторпе — последнего завода первичной стали — лишь для предотвращения немедленного

закрытия без какой-либо долгосрочной стратегии. Трамп при вступлении в должность в 2025 году продолжил политику стальных тарифов против Британии несмотря на союзнические обязательства. Британо-американские переговоры мая 2025 года дали лишь частичное смягчение тарифов на сталь и алюминий — значительно меньше чем требовала британская сторона и втрое меньше реальных потерь британской металлургии от американской тарифной политики.

Агрессивная политика атлантического блока неразрывно связана с новой гонкой вооружений и всесторонней милитаризацией британской экономики. Военные расходы составлявшие в 2014 году £33 млрд — около 2% ВВП — к 2025 году выросли до £54 млрд и согласно обязательствам перед НАТО должны достичь 2,5% ВВП то есть около £67 млрд к 2027 году. За четыре года с 2022 по 2025 год на военные нужды было израсходовано около £200 млрд — в 2,5 раза больше чем за предыдущие четыре года. Военные расходы поглощают уже около 8–9% государственного бюджета — и эта доля растёт. Около 180 тысяч человек заняты непосредственно в вооружённых силах и оборонной промышленности — это люди выведенные из производительного гражданского сектора. Обязательства по поставкам Украине и наращиванию собственного военного производства требуют роста производства боеприпасов в 3–4 раза относительно уровня 2021 года — что прямо конкурирует за производственные мощности с гражданской промышленностью. Даже мейнстримные экономисты указывают: «Британия может иметь достаточно ракет или достаточно больниц — но не достаточно того и другого одновременно».

Дефицит текущего счёта Британии за 2022–2025 годы составил суммарно около £300 млрд. Значительная часть этого дефицита напрямую связана с военными закупками за рубежом — прежде всего американских систем вооружений — и с расходами на военное присутствие за границей включая поддержку Украины. Характерно форсированное строительство объектов для американских военных баз расширяющих присутствие в Британии — это строительство непосредственно связано с подготовкой британской территории для американской военной стратегии в Европе.

Атлантическая декларация экономически подготовила и закрепила вассальное положение Британии в американской стратегической системе. Вместо содействия экономическому восстановлению и реиндустриализации этот курс стал важнейшим фактором углубления структурной зависимости и стагнации. Вместо организации суверенного экономического сотрудничества он превратился в систему встраивания британской экономики в американскую корпоративную орбиту — причём курс на изоляцию от Китая и России обернулся против самой Британии нанеся ей ущерб в торговле и энергетике. Нет никакого сомнения что этот курс — при его продолжении — обречён на банкротство как политическое так и экономическое. Политика основанная на Атлантической декларации и расширенных обязательствах НАТО создала для Британии угрозу не военной — а экономической национальной катастрофы.

Реакционная антинародная программа британского финансового капитала осуществляемая правительством Стармера лишила страну перспективы реального

экономического подъёма и ведёт к систематическому снижению жизненного уровня народа. Тем большую тревогу вызывает то обстоятельство что альтернативы этой программе в виде организованной политической силы в Британии мая 2026 года — не существует. Это и есть главная политическая реальность момента. Не преувеличивать её и не замалчивать.

КТО КОНТРОЛИРУЕТ ЭКРАН

В Британии выходит около 200 млн экземпляров газет в неделю. Пять финансовых групп контролируют подавляющую часть тиража. «Daily Mail», «Times», «Daily Mirror» связаны перекрёстными директорами с крупнейшими банками — HSBC, Barclays, Lloyds. Реклама от монополий составляет пятую часть всех рекламных доходов прессы. Это описание не сегодняшнего дня. Это Британия 1953 года.

Сегодня механизм тот же — изменился только носитель. GB News финансируется напрямую донорами Reform. Кристофер Роклифф (£10+ млн в Reform) — новый газетный барон, только без газеты. Маск с X охватывает 20+ млн британских пользователей и алгоритмически продвигает фараджистский контент — без редакции, без главного редактора, без ответственности.

В 1953 году от 70 до 80% показываемых в Британии кинокартин производились в США. В 2026 году доля политического видеоконтента американского или проамериканского происхождения в британском YouTube и X — примерно та же. Структура та же. Экран другой.

Разница одна: в 1953-м это называлось «влиянием». Сейчас это называется «свободой слова».

Идеологическая рента которую американские правые получают от британского проекта — геополитическое ослабление европейского либерального фланга — остаётся одним из главных стратегических интересов за счёт которого Бэннон и его круг стремятся расширить влияние. Видные британские финансисты и венчурные капиталисты выступая на закрытых встречах донорского круга Reform заявляли примерно следующее: «Мы не разделяем всю риторику Фараджа, но поддерживаем Reform как наиболее подходящий инструмент для дерегуляции финансового сектора и снижения налогового бремени на капитал».

VI. Протест без организации и задача политического выхода

Антинациональная политика подчинения Британии американскому капиталу вызывает растущее возмущение — но это возмущение без берегов. Британский народ недоволен — ростом цен, деградацией NHS, жилищным кризисом — но не имеет политического инструмента для выражения этого недовольства кроме голосования за Reform, которое это недовольство только углубит.

Монополисты ведут развёрнутое наступление на жизненный уровень народа под флагом «бюджетной ответственности». Реальная заработная плата около 60% британских работников ниже уровня

2021 года с поправкой на инфляцию. Рабочие реагируют — но реагируют экономически а не политически. В 2022–2023 годах около 2,5 млн рабочих участвовали в забастовках — железнодорожники медсёстры учителя почтальоны. Это была крупнейшая волна трудовых конфликтов с 1989 года — около 4,5 млн потерянных рабочих дней по официальным данным. Рабочие добились частичного повышения заработной платы. Но не более того. Политического результата эта волна не дала — ни новой партии ни новой программы ни нового лидерства.

Профсоюзы оказались неспособны конвертировать экономический протест в политическую силу. TUC организационно и финансово привязан к лейбористам которые его предают. Unite под Шарой Кук делает резкие заявления — но реального политического проекта за ними нет. RMT под руководством Манн остаётся изолированной радикальной структурой без выхода на широкий электорат.

Профсоюзная бюрократия в целом ориентирована на сохранение административных позиций — мест в совещательных органах доступа к правительству — а не на политическую борьбу. Это и есть главная слабость британского рабочего класса в 2026 году — не отсутствие недовольства а отсутствие организации которая могла бы это недовольство направить.

Левое крыло лейбористов после разгрома корбинизма деморализовано и маргинально. Корбин потерял партийный кнут в 2020 году — и вместе с ним организационную базу. Его независимые выступления в парламенте носят характер личного протеста а не политического движения. Зелёные растут в опросах — но это партия образованного городского класса а не рабочего Сандерленда или Мидлендса. Малые левые партии — социалисты коммунисты —

существуют в маргинальных нишах без реального электорального веса.

В этот политический вакуум входит Фарадж — не потому что он прав а потому что он единственный кто говорит громко и на понятном языке про предательство элит. Рабочий Сандерленда которого лейбористы игнорируют двадцать лет слышит от Фараджа то что хочет услышать — что его бедность это результат предательства а не структурной проблемы которую надо решать коллективно. Это и есть американский проект Reform — не победить рабочий класс силой а купить его голос через пустоту. Бэннон называл это стратегией прямо: «найти людей которых система бросила и дать им врага». Врагом назначены мигранты и элиты — но не американские корпорации контролирующие NHS не Palantir хранящий данные британских пациентов не Тиль финансирующий саму Reform.

Британский народ не хочет чтобы Британия была превращена в цифровую колонию американского технологического капитала — но не знает за кого голосовать чтобы это предотвратить. Независимые члены парламента и единичные голоса внутри лейбористов открыто заявляют что военные расходы мешают национальному восстановлению — но эти заявления остаются голосами в пустоте без организационной базы.

Всё более широкие массы в Британии начинают осознавать что и лейбористский и фараджистский путь ведут к одному результату — углублению зависимости от американского капитала и снижению жизненного уровня. Но осознание без организации — это только почва для демагогии. И именно эту почву обрабатывает проект Фараджа — американский песик в британской упряжке.

Британские рабочие неоднократно выражали недовольство политикой вовлечения страны в американские военные авантюры. Опросы YouGov 2025 года показывают что около 58% британцев против дальнейшего наращивания военных расходов за счёт NHS и социальных статей. В том же году опрос показал что только 34% британцев считают торговое соглашение с США выгодным для Британии. В декларации подписанной рядом местных профсоюзных советов Севера Англии в 2024 году указывалось: «Мы серьёзно обеспокоены тем что наши больницы разваливаются наши дети живут в плохих домах наши заработные платы не успевают за ценами — и при этом нас убеждают что главная проблема это Китай и Россия а не Palantir в NHS и не американские корпорации скупающие британские активы». Эти декларации однако остались декларациями — без политической организации за ними стоящей.

Рабочие массы недовольны соглашениями втягивающими Британию в американскую стратегию. Голос тех кто говорит о необходимости суверенной экономической политики — независимые члены парламента отдельные профсоюзные лидеры редкие академические экономисты — существует но остаётся маргинальным. Рабочий класс Сандерленда Скенторпа Мидлендса слышит этот голос плохо — и слышит громко только Фараджа.

Рабочие Севера и Мидлендса не раз выражали позицию что они не хотят платить за американские военные интересы своими больницами и зарплатами. Секретарь одного из местных советов профсоюзов Йоркшира выступая на митинге против закрытия местной больницы заявил примерно следующее: «К каким бы решениям ни пришли Лондон и Вашингтон — если эти решения означают что наши дети не могут попасть к врачу — то

правительству придётся поискать другой рабочий класс который будет это молча терпеть». Но это высказывание осталось местным — без выхода на национальный политический уровень.

Отношение британского народа к нарастающей милитаризации и атлантической зависимости — это отношение людей видящих проблему но не видящих выхода. Несмотря на отсутствие организованного движения против курса правительства многочисленные местные общественные инициативы — в защиту NHS против закрытия заводов против роста цен — существуют по всей стране. Но эти инициативы раздроблены локальны и лишены общенационального политического стержня.

Первомайские демонстрации 2025 года в Лондоне Манчестере Глазго собрали в совокупности около 80 тыс. человек — значительно меньше чем могло бы быть при наличии реальной организующей силы. Основными лозунгами были: защита NHS рост заработной платы доступное жильё. Антиамериканские экономические лозунги — против Palantir против условий торгового соглашения — присутствовали но не доминировали. Политического субъекта способного объединить этот протест не появилось.

Банкротство «Атлантической декларации» с особой ясностью обнаруживается на примере Британии. Вместо содействия экономическому восстановлению и реиндустриализации этот курс стал важнейшим фактором углубления структурной зависимости и стагнации. Вместо разрешения жгучей проблемы платёжного баланса и промышленного упадка он привёл к дальнейшему ослаблению фунта и утрате позиций в производственном секторе. Вместо организации суверенного экономического сотрудничества он превратился в систему встраивания британской экономики в

американскую корпоративную орбиту — причём курс на изоляцию от Китая и России обернулся против самой Британии нанеся ей ущерб в торговле и энергетике. Атлантическая декларация усугубила экономическое соперничество между британским и американским капиталом обострила противоречия между Британией и ЕС и привела к дальнейшему ослаблению позиций страны на мировой арене.

Атлантическая декларация экономически подготовила и закрепила вассальное положение Британии в американской стратегической системе. Нет никакого сомнения что этот курс — при его продолжении — обречён на банкротство как политическое так и экономическое. Политика основанная на Атлантической декларации и расширенных обязательствах НАТО создала для Британии угрозу не военной — а экономической национальной катастрофы.

Во главе чего стоит британское общество сегодня — вот главный вопрос. Организованной прогрессивной силы способной возглавить борьбу против антинародной политики монополистического капитала и его фараджистских и лейбористских приказчиков — в Британии мая 2026 года нет. Это и есть главная политическая реальность момента. Не преувеличивать её и не замалчивать.

Что могло бы указать британскому народу путь выхода — если говорить о реальной программе а не о wishful thinking? Программа такого выхода в общих чертах существует — она артикулируется разрозненно разными голосами. Реиндустриализация Севера и Мидлендса за счёт государственных инвестиций а не частного капитала. Реальная национализация энергетики и воды — не спасение убыточных активов за счёт налогоплательщика а передача прибыльных секторов под общественный контроль. Прекращение контракта Palantir с NHS и возврат данных под государственный

суверенитет. Суверенная торговая политика — не следование американским санкционным спискам автоматически а самостоятельная оценка национального интереса. Жилищное строительство за счёт обложения земельной ренты у крупных лендлордов. Реальный рост заработной платы за счёт ограничения дивидендов монополий.

Но эта программа — без субъекта. В этом трагедия британского рабочего класса 2026 года. Он видит предательство — со стороны лейбористов и со стороны тори. Он слышит Фараджа который говорит про предательство громче всех. И голосует за американского агента думая что голосует против Америки.

Твердолобые британские правые и их лейбористские попутчики ищут выхода из кризиса на путях наступления на жизненный уровень трудящихся встраивания в американскую корпоративную систему и демагогии о суверенитете. Но эта реакционная авантюристическая политика способна лишь углубить кризис — ускорить рост недовольства и создать условия при которых рано или поздно возникнет подлинная организующая сила. Когда и в каком виде — вопрос открытый. Но почва для неё создаётся каждым днём этой политики.